

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2000
Номер выпуска: 05-06
Заглавие: Он был при битве Чесменской
Автор: А. С. Марков

**Глава из книги «Варвакис» (Астрахань, 2000 г.)
Публикуется с согласия автора**

На родине его звали Иоаннис Андреас Леонтидис, прозвищем Варвакис. "Варвакис" означало — "владеющий силой" или "пользующийся влиянием". Конечно, это прозвище появилось не сразу.

Родился Иоаннис на острове Псара, что в Эгейском море, в семье морехода. Год его рождения пишется не везде одинаково. Так, на одном из его старинных гравированных портретов надпись на греческом языке гласит, что он родился в 1750 году, в одном из современных греческих энциклопедических словарей в статье о Варвакии указывается, что он рожден в 1745 году. Материалы Астраханского государственного архива позволяют считать его несколько старше. Указывают временем рождения Иоанниса 1743 год.

С именем Варвакия еще больше разночтений. В России Иоанниса сына Андреаса превратили в Ивана Андреевича. А прозвище Варвакис послужило основой фамилии — Варвацкий (в старых документах встречается: Варвач, Варвац, Варваки, Варваки).

С детских лет отец приучал Иоанниса к морскому ремеслу. Где обучался мальчик — не известно, но он мог по-гречески читать и писать, позже научился и русскому языку, хорошо знал всемирную историю.

Судно Андреаса Варвакиса "Св. Андреас" плавало между островами Эгейского моря. Нередко заходило к берегам Малой Азии и в Египет. Торговля была связана с большим риском. На греческих островах говорили: "Для того, чтобы хорошо торговать, нужно быть воином". Команда "Св. Андреаса" была всегда вооружена. Судно имело двадцать пушек. В десять лет Иоанн уже метко стрелял из ружья и пистолета. Вместе с молоком матери впитал он ненависть к турецким поработителям. Мальчик видел, как разнузданно ведут себя в греческих городах гальонджии — матросы турецкого флота, которых Порты ежегодно набирала в приморских харчевнях. Во время Байрама турки устраивали кровавые резни христиан. Спасаясь от поборов, крестьяне уходили в горы и становились клефтами (партизанами).

Когда Иоанну исполнилось 17 лет, он уже принимал участие с отцом и братом Георгием в нападениях на турецкие торговые корабли. Правда, эти нападения были тайными. Так же часто поступали и другие греческие суда. Иногда они образовывали настоящие мятежные эскадры. Турки называли повстанцев корсарами (пиратами). Вскоре смелый, удачливый Иоаннис стал непререкаемым авторитетом среди друзей-мореходов.

В 1768 году началась война России с Турцией. Алексей Орлов и Григорий Потемкин убеждали Екатерину II, что в борьбе с Османской империей важна помощь греков на суше и на море. Потемкин представил императрице "великий план" так называемой восточной системы, где Греции отводилась огромная роль. На острова Эгейского моря были направлены агенты Екатерины. Для выхода к берегам Пелопонеса стал готовиться Русский флот. При Русском дворе только и разговоров было, что о Греции и Константинополе. Екатерина ввела в моду дамский наряд, называемый "гречанкою". Она постоянно обращалась к греческой истории и сама написала многоактную пьесу "Олег", проникнутую духом греческого проекта.

Историк Карамзин отмечал: "Греция была для нас как бы вторым отечеством: россияне всегда с благодарностью вспоминали, что она первая сообщила нам и христианство, и первые художества, и многие приятности общежития. В Москве говорили о Царьграде так, как в новейшей Европе со времен Людовика XIV говорили о Париже...".

Конечно, Карамзин писал это не в 70-е годы XVIII века, но именно такое настроение охватило официальный Петербург, когда из Кронштадта вышла эскадра под командованием старого морского служаки адмирала Спиридова. Ей предстоял долгий путь через Скагеррак и Каттегат, Северное море, Атлантический океан, Гибралтар, Средиземное море к берегам Море́й и островам Архипелага. Вслед за Спиридовым поплыла эскадра, которую Екатерина поручила английскому капитану Джону Эльфинстону. Третья эскадра была отправлена под командованием датчанина контр-адмирала Арфа.

Эти эскадры поджидал в Ливорно Алексей Орлов. Ему императрица отводила главную роль — командовать всей флотилией российской. Она так и сказала ему: "Назвался груздем, так полезай в кузов". Он больше всех хлопотал об этой экспедиции, так вот ему и карты в руки. Может быть, это было подспудное желание спровадить его, как Ивана-Дурачка в тридевятое царство, в тридесятое государство... Авось, там и погибель найдет.

Алексей был гораздо умнее, храбрее, одареннее своего брата Григория Григорьевича, которого несколько лет подряд любила Екатерина и за которого, по слухам, она даже собиралась замуж.

Это Алексей помог Екатерине свергнуть с престола Петра III. Да что там "свергнуть", он-то в Ропше и задушил императора заранее припасенным ремнем. Многие вельможи почти открыто называли его цареубийцей. Было отчего отправить его с глаз подальше. Некоторые придворные считали экспедицию в Архипелаг авантюрой.

Но вот эскадры соединились, Орлов принял общее командование. 18 февраля 1770 года русская флотилия вошла в порт Витуло, где располагались воинственные горные кланы майнотов, которые на протяжении столетий не покорялись туркам. На берегу порта были заложены батареи. У берегов крейсировали русские корабли и захватывали купеческие суда, везущие груз в Турцию. К флоту присоединились и греческие суда. Среди них — и шебека Варвакия. Молодой капитан знал все близлежащие острова и заливы. Он-то нюхом чуял, кто везет товары в Константинополь, и захватывал эти товары. В этом он искал поощрения у русских моряков. Но Екатерина запретила выдавать грамоты на "арматорство" (корсарство), которое иногда легко смахивало на морской разбой. Пришлось подчиниться суровой морской дисциплине.

Вскоре пятьсот русских солдат-кесгольмцев и шестьсот греческих повстанцев штурмом взяли крепость Мизитрия (Древнюю Спарту). После этого русские корабли повернули к крепости Наварино. Греческие шебеки поддерживали своим огнем флотилию русских, которые начали обстрел Наварино. 10 апреля крепость сдалась. Наварино временно стал базой русского флота.

24 июня 1770 года турецкому флоту было нанесено большое поражение в Хиосском проливе, а через день разыгралось небывалое сражение в Чесменской бухте, куда турецкая эскадра скрылась под защиту береговой цитадели. Когда русские подошли к Чесме, их взору предстало величественное зрелище — множество судов всех типов и рангов замерло на лазурной глади залива. Это была не эскадра, как предполагали командиры пакетботов, ходивших в разведку, а целый флот.

Казалось, начинать бой с неприятельским флотом — безумие. И все же на военном совете командующий эскадрой Алексей Орлов, адмирал Григорий Спиридов (кстати, Григорий Андреевич Спиридов после окончания навигацкой школы в 1728 году был послан в Астрахань и начинал службу на Каспийском море), командор Семуил Грейг решили атаковать турок. Цейхмейстер Ганнибал пригласил командиров всех греческих судов и пояснил им:

- После вчерашнего сражения вражеский флот укрылся в бухте. Бухта мала для такого количества судов. Турки сами загнали себя в ловушку. Но чтобы уничтожить их корабли, нужны брандеры, которые могли бы подойти к турецким кораблям вплотную и взорвать их. Ваши шебеки для этого очень подходят, они мелководны и подвижны. Не могли бы вы ими пожертвовать?

- С радостью отдаем в ваши руки, лишь бы был истреблен флот угнетателей, — заяви-

ли греки.

Отобрали четыре самых быстроходных и вертких судна. Академик Тарле писал: "Весь день 25 июня ушел на приготовление. Все четыре брандера были поставлены Орловым под общую команду Грейга. Кроме брандеров, Грейгу были даны для предстоящей ночной атаки четыре корабля: "Ростислав", "Европа", "Не тронь, меня", "Саратов" и два фрегата: "Надежда благополучия" и "Африка". Сверх того, Грейг получил в свое распоряжение еще бомбардирский корабль; брандеры должны были начать дело, а корабельная артиллерия докончить его. Под брандеры были назначены четыре греческие торговые судна" (Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. Изд-во Академии наук СССР, 1945, с. 51)..

Автор исторического повествования "Чесма" Владимир Шигин указывал, что полушебека Варвация была превращена в брандер и снаряжалась для команды лейтенанта Ильина (Владимир Шигин. Чесма. М., изд-во "Патриот", 1992, с. 278), и что греческий капитан подарил лейтенанту Дмитрию Сергеевичу Ильину старинный кинжал, у самой рукояти которого на лезвии имелось изображение восьмиконечного православного креста и по-гречески было выгравировано — "Свобода".

Шигин отмечает, что у Варвация был старший брат Дементарий, также участник Чесменского сражения. В других источниках указывается, что старшего брата Ивана Андреевича звали Георгием.

Шебеку Варвация загрузили смолой в бочках, селитрой и серой в парусиновых шлангах, палубу, рангоут и борта пропитали скипидаром. Брандерами командовали капитан-лейтенанты Р. Дугдаль, Ф. Мекензи, лейтенант Д. Ильин и мичман В. Гагарин. Наибольшего успеха добился брандер Ильина. Удачно маневрируя, ему удалось подойти к большому турецкому кораблю, сцепиться с ним, а затем поджечь свой брандер. Вспыхнул огненный факел, а вскоре раздался страшный грохот, турецкий фрегат повалился на борт. Один за другим стали взрываться турецкие корабли. Чесменская бухта превратилась в действующий вулкан. Огромное зарево над бухтой было видно за десятки верст.

Согласно позднейшим донесениям, Иван Варваций был в этом пекле и шел на смертельный риск. Да и кто не рисковал тогда, когда решалась судьба всего сражения? Наверное, все же рисковал больше всех Алексей Орлов. Граф не был моряком и не мог тягаться в знании морских диспозиций ни со Спиридовым, ни с Грейгом. Накануне боя в подзорные трубы они видели, что неприятель многочисленнее. Только Орлов мог взять на себя страшную ответственность за возможное поражение русской флотилии. На военном совете все повернули головы в его сторону. Что скажет он, назначенный всемилостивейшей монархиней? И он решился. Поставил на карту и свою жизнь, и свою честь, и судьбу всей вверенной ему флотилии. Лишь после полуночи у него отлегло от сердца.

"...Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра,— записал в "Собственно-ручном журнале" командор Грейг, — легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонула, или опрокинулась от множества людей, бросившихся в них... Страх турок был до того велик, что они не только оставили суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями..."

У турок было уничтожено четыре фрегата, пять галер и множество мелких судов. Шестидесятишестипушечный корабль "Родос" и пять галер были взяты в плен. Потери были: с нашей стороны одиннадцать убитых, у турок погибших около десяти тысяч. За эту победу Алексей Орлов получил титул Чесменского. В память Чесменского боя была выбита специальная медаль. Получили награды многие русские моряки.

Героический поступок Варвация также не остался незамеченным. О нем было сообщено в Петербург, и греческий капитан по высочайшему повелению был произведен в поручики.

В послужном списке, на который позже ссылался им ператор Александр I, говорилось: "...Наш верноподданный, надзорный советник и кавалер Иван Варваций, урожденный из греков, в 1770 году вступил в нашу службу волонтиром и был во время войны с турками в Архипелаге с собственным его мореходным вооруженным судном.

1772-го года, октября 21-го произведен в поручики и находился в разных морских сражениях..."

До заключения мира с турками в 1774 году при Кучук-Кайнарджи русский флот произвел немало военных операций. Возможно, Варваций принимал участие в осаде Бейрута или в морском сражении у острова Патраса при входе в Лепантский залив, где действовала эскадра Войновича, или в штурме с моря крепостей Станко и Бурдум...

Варваций мечтал о независимой, свободной Греции. Но русско-турецкая война 1769 — 1774 годов не привела к ожидаемому крушению турецкого господства на островах Архипелага. Война лишь вызвала огромную волну греческой эмиграции.

Внук Варвация Марк Николаевич в девятом номере журнала "Северный архив" за 1828 год писал о своем деде: "При знаменитой Чесменской победе он, отличившись, был удостоен чином поручика. По заключении же мира с турками он объявил желание ехать в Россию, и Орлов позволил ему проехать через Константинополь в какую-либо из черноморских гаваней и там продолжать службу, но турки, помня первые его поступки против себя, не замедлили в Константинополе задержать его фрегат и предали бы его самого казни, если бы он не успел тайно бежать к российскому посланнику, который оказал ему свое покровительство и при первом открывшемся случае отправил его в Россию. Не имея уже никакого состояния, лишившись своего корабля и имущества, господин Варваций решился отправиться в престольный град С.-Петербург пешком для испрошения у императрицы Екатерины II какой-либо милости..."

Но есть документы, которые говорят, что в Константинополь Варваций прибыл не на своем судне.

В Астраханском государственном архиве хранится любопытная записка, составленная 25 июля 1775 года на острове Миногосе. Перевод ее таков: "По сему облику изъяснительно объявляю, что взял взаимобразно нижеподписавшийся капитан Варваций от капитана Стефания Скопелита турецких пиастров шестьсот и обещал отдать с благодарением в Константинополе сроком в двадцать дней с процентом по пяти пиастров за каждую сотню без всякого прекословия и отговорок, в чем за подписанием его собственной руки при доверенных свидетелях и подписался так — Иван Варваций, что принял оные деньги, подписуюсь; Николай Даджий — свидетельствую; Дмитрий Макарау — свидетельствую; Григорий Артакино, публичный нотариус — свидетельствую".

Но Варваций не мог полностью уплатить долг вовремя. За его поимку турецкий султан объявил большую награду. Иван Андреевич был схвачен и посажен в Семибашенный замок.

Русский посланник в Константинополе Николай Васильевич Репнин выкупил Варвация и укрыл у себя. Он ему очень сочувствовал. Репнин сам отличился в сражениях с турками при Ларге, Кагуле и взятии Измаила. В 1775 году Николай Васильевич стал полномочным посланником в Турции. По словам современников, он был крайне высокомерен и горяч, но честен и щедр до расточительности. Репнин не имел полномочий принимать греков в русское подданство. Он решил тайно переправить капитана в Россию.

А через пять лет в Астрахань, где тогда уже жил Варваций, пришло письмо из Азовской губернской канцелярии. Прибывший из Греции в Азов капитан Стефан Лоренц Скопелит требовал вернуть ему деньги, которые пять лет назад он отдал в долг Ивану Варвацию.

Между азовской канцелярией и астраханским губернатором Якоби завязалась переписка. Потребовали объяснения от Варвация. Иван Андреевич пояснил: "...но так как он, Варваций, месяца через два в Константинополь прибыл, то в уплату реченному Лоренцу отдал восемьдесят пиастров, да сверх того им, Лоренцом, принято а себя на провоз его от ре-

ченного острова в Константинополь пятьдесят пиастров. Но остальные деньги он не заплатил по скорости его ради прописанных причин, откуда в Санкт-Петербург отправлен, однако ж при самом том отправлении оставил он, Варваций, его сиятельству князю Николаю Васильевичу Репнину о имеющихся на нем долгах реестр..." .

Прибыв в Петербург, Иван Андреевич стремится добиться аудиенции у самой Екатерины II. Он полагает убедить императрицу начать самые активные действия для освобождения Греции. Но его настойчивость увидеться и поговорить с российской самодержицей настораживала и пугала царедворцев.

По семейному преданию, Варвацию помог случай. Как-то в Царском Селе в трактире за чаркой вина Варваций громко сетовал на свои злоключения и напрасное путешествие в Петербург. Его услышал фаворит императрицы Григорий Потемкин, понимавший по-гречески. Он-то и посодействовал Варвацию.

Но происходила ли встреча в трактире за чаркой вина? Скорее всего, это красивая легенда.

А реальность такова. Есть рекомендательное письмо русского посланника в Турции князя Николая Васильевича Репнина, врученное Варвацию (Сборник Русского исторического общества, т. 15, с. 441). В этом письме Репнин отмечал заслуги греческого капитана перед Россией и его храбрость в борьбе с турками. Письмо было адресовано в Петербург на имя известного дипломата Никиты Ивановича Панина. С Паниным были тогда связаны все вопросы внешней политики России. Никита Иванович был одним из образованнейших людей своего времени. Он был воспитателем Павла — сына Екатерины II. Императрица называла Никиту Панина — "наша энциклопедия".

Для Панина не составляло трудности представить мятежного грека императрице.

Мы не знаем содержания разговора Варвация с Екатериной II. Во всяком случае, императрица отнеслась к Ивану Андреевичу очень благосклонно. Он получил в подарок тысячу червонцев, указ на беспощинную торговлю в течение десяти лет и право самому выбрать место жительства в России.

Тогда же Варвацию был выдан патент, подтверждающий полученное ранее звание поручика:

"Божьей милостью Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно да ведомо будет каждому, что Мы служившего в прошедшую с Оттоманскою Портою войну при флоте Нашем из греков Яна Варвача, для оказанной в службе нашей ревности и прилежности, в наши поручики тысяча семьсот семьдесят второго года, октября, двадцать первого дня, всемилостивейше пожаловали. Мы надеемся, что он в сем вновь пожалованном чине верноподданным нашей Державе будет.

В свидетельство того Мы сие Нашей государственной волей изъявляем и государственной печатью укрепить повелели".

Этот патент был подписан Екатериной II 23 декабря 1776 года.

В то время Иван Андреевич находился в Керчи, куда съехались много греческих эмигрантов. Сюда же прибыло из Греции его судно "Св. Николай". Петербургская исследовательница Наталья Мстиславовна Юденич выявила в Российском государственном архиве военно-морского флота любопытный документ "О покупке греческим капитаном Варваки собственного судна. 1776 -1779 гг."

Судя по этим документам, в 1776 году Варваций подает прошение на имя императрицы Екатерины II с желанием продать свое судно казне за 5 тысяч рублей, чтобы отдать князю Репнину две тысячи за свое освобождение из турецкого плена, а ему построить мореходное судно в Астрахани, куда он думает переселиться. Императрица распорядилась: "Служащему в войсках наших на Средиземном море поручику Варваки Всемилоостивейше повелеваем: судно у него купить, снять с него чертеж и построить ему новое. А до того дать ему из имеющихся вооруженное судно, хотя бы то и бот был".

В июле 1777 года Варваций пишет новое прошение государыне: "Так-как часть моей семьи прибыла в Керчь и коммерция происходит на Черном море, то прошу построить мне бот не в Казани (для Каспийского моря), а на Дону (для Черного моря), а в противном случае прошу выдать деньги" (Роль и значение флота России в борьбе за независимость Греции. Санкт-Петербург. 2000 г., с. 61).

Но бот строить ему не стали, а дали под расписку уже подержанный бот "Орел" с двумя пушками, запасом снарядов, одним канониром и одним матросом. И все же в мае 1779 года для Варвация было построено новое вооруженное судно — точная копия "Св. Николая". Оно обошлось казне в 5920 рублей. Бывший у него бот "Орел" греческий капитан отдал в Керченский порт.

Но коммерция на Черном море Варвация почему-то не устраивала, и он переехал в город, расположенный в низовьях Волги.

